

ЦЕННОСТНАЯ ВЕРТИКАЛЬ ТРИЛОГИИ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО «ХРИСТОС И АНТИХРИСТ»

Комарова Ирина Константиновна

заведующий кафедрой философии, политологии и психологии Гродненского филиала Частного учреждения образования «БИП – Институт правоведения»;
кандидат философских наук;

Шумская Лилия Михайловна

доцент кафедры русского языка как иностранного и лингвистических дисциплин Гродненского государственного университета им. Я. Купалы;
кандидат филологических наук (г. Гродно, Беларусь)

Отличительной особенностью современного общества является высокая скорость изменений, потрясающих все сферы социально-экономической и культурной жизни: от общества в целом до отдельной личности. На глазах одного поколения плавная, линейнообразная жизнь сменяется бурными событиями, когда общество раздирают гражданские распри, рушится экономика, происходит смещение нравственных норм. В этих условиях необходим поиск жизнеспособных устойчивых ориентиров, способных стабилизировать эволюцию общества. Попытаемся обратиться к опыту представителей русского Серебряного века, среди которых весьма объемно вырисовывается фигура Д.С. Мережковского и найти ответы на интересующие нас вопросы.

В процессе поиска форм обновления личности, выработки новых ценностных ориентиров Мережковский создает концепцию «нового религиозного сознания», в основе которой лежит личностное совершенствование в стремлении к надысторическому идеалу Христа. В поиске идеалов он идет от мета-

физической антиномической схемы: Христос и Антихрист, Дух и Плоть, христианство и язычество, «власть неба» и «власть земли». Но мучительный поиск разрешения противоречий приводит Мережковского к выводу о том, что идеалы гуманизма, ценности христианства, понятие Царства небесного и смысл царства земного для него несовместимы, метафизически разорваны. Переживание этих противоречий особенно ярко проявилось в исторических романах писателя, и, прежде всего, в трилогии «Христос и Антихрист», о которой пойдет речь.

Для реализации своей концепции Мережковский выбирает особенные, смутные времена, наполненные раздором, раздвоением, сомнениями. Таковы, например, эпохи Юлиана Отступника (христианство уже победило, но язычество еще существует), или Леонардо да Винчи (возрождается эллинизм, а христианство вырождается), или Петра I. Кризис гуманизма, кризис веры в торжество добра наложили мощный отпечаток на художественный мир Мережковского.

Концепция о надысторическом идеале Христа также определила осознанную ориентацию Мережковского на мифологизацию образов трилогии. Он обращается к мифу о Юлиане Отступнике, Леонардо и Петре I. Для реализации этого мифа автор «Христа и Антихриста» стягивает в пределах одного художественного целого чрезвычайно отдаленные друг от друга эпохи – становления христианства в Римской империи в IV веке, Возрождения в Италии, эпоху реформ Петра I в России, что выливается в универсальность временных пространств. Таким образом создается пространственно-временное поле трилогии. Именно Юлиан, Леонардо да Винчи, Петр, Алексей, по мнению Мережковского, отразили общие тенденции развития всемирной истории в период исторического христианства. Не менее важна в этом процессе и роль автора трилогии. Он рассматривает каждый из трех этапов развития истории как присутствующее в жизни людей и эпох вневременное, связующее человечество в общую цепь – путь к преображению мира и человека, составляющий суть истории, и пытается прозреть черты будущего России, мира. При этом он изображает период истории между двумя апокалипсисами, между прошлым (крушение язычества) и будущим (переход в Царство Духа). В этот период история движется по кругу в рамках распространения христианства в мире, а на пути к преобразению основными оппозициями являются Христос – Антихрист, добро – зло, жизнь – смерть. Автор «Христа и Антихриста» создаёт повторяющиеся на историческом пространстве и отражающие противоположно-подобные грани рассматриваемой личности универсальные типы. С одной стороны, Мережковский демонстрирует величие Петра I во время спасения людей, а с другой – подчеркивает, что он царь-Антихрист. Преобразования, предлагаемые им, не соответствуют тому социокультурному контексту России, в котором она существует.

Герои Мережковского в своем стремлении к надысторическому идеалу Христа пытаются ответить на вопрос о соотношении ортодоксальной веры и личной свободы. Разрешение сущности последней автор считает движущей силой мировой истории. «Традиционное теологическое понимание отрицает су-

ществование христианской трагедии и боится самой мысли о ней. Странно, что отрицают трагедию в религии креста. Античная трагедия есть трагедия рока, христианская же трагедия есть трагедия свободы, и в ней открывается первофеномен трагического» [1, с. 43], – писал Н.А. Бердяев. По отношению к свободе у Мережковского можно условно выделить два типа героев: обреченного на страдания богочеловеческого героя и тип яркого, сверхчеловеческого героя. Первый совершенно отрицает свободу и утверждает исключительное действие Бога и Божьей Благодати. Познание – удел Божественный, единственное же, что нисходит непосредственно к человеку – его вера. Но пассивным страданием плоти не построить новый рай, а лишь вновь обрести утерянный. Второй же герой ставит проблему добра и зла, причем не как объективную во времени, а как противоречие двойственного человеческого начала. И если богочеловеческий герой видит искупление в страдании, то сверхчеловеческий отождествляет ожидание Судного дня с творчеством. Этим рай начала – сверхчеловеческий отличается от рая конца – богочеловеческого. Но каждый из выделенных типов героев претерпевает свою метаморфозу. Богочеловеческий герой в своем неприятии свободы статичен во времени: «На мужичьем соборе в ветлужских лесах спорили ... так же, как четырнадцать веков назад, во времена Юлиана Отступника» [2, с. 666]. Таким образом, богочеловеческий герой вольно или невольно, но отождествляет Христа с Антихристом.

Внутренняя проблема сверхчеловеческого героя несколько сложнее. Юлиан, впрочем, как и Леонардо, и Петр I, видит в Христе все, кроме свободы. Свобода же относится к злomu двойнику Христа – Антихристу. Поэтому Юлиан заявляет в последнем бою: «Он – вестник жизни, освободитель, Антихрист!» Трагедия Юлиана в том, что он также объединил в своем сознании Христа и христианство, отождествив живого Сверхчеловека с насилием, а Антихриста – со свободой. Насилие над личностью казалось ему самым злым из зол. Он понял истину, приподнял над ней завесу фарисейства, но ошибся в имени, не разглядев в своем Антихристе – Гелиосе – дохристианского Христа. Историческое христианство ввело Юлиана в соблазн своим перевоплощением в Сверхчеловека. Он не понял этого перевоплощения, но из благородного Антихриста стал христианином.

Таким образом, в трилогии «Христос и Антихрист» Мережковский обосновывает концепцию возрождения личности через синтез времен, эпох и культур, потребность проявить в жизни героя глобальные законы мира. Этим писатель настаивает на следовании высшим ценностям. Такая ориентация возвышает человека, обогащая его духовно, увеличивая индивидуальный потенциал действия, побуждает к творческому преобразованию среды в соответствии с гуманистически выверенными идеями, что особенно важно в нашем беспокойном мире. Эта концепция реализуется в художественном мире трилогии через стягивание в пределах одного художественного целого чрезвычайно отдаленных друг от друга эпох, что выливается в универсальность временных пространств; мифологизацию исторического факта, придание ему символического смысла и значения; восприятие индивидуальной психологии человека как общечеловеческой, неизменной и принципиально неспособной измениться; повторяемость

универсальных типов на историческом пространстве; обогащение конкретно-исторических образов универсальными символами (дух-плоть, Христос-Антихрист, сверхчеловек-богочеловек).

Литература

1. Бердяев, Н.А. О назначении человека / Н.А. Бердяев. – М. : АСТ, 2006. – 569 с.
2. Мережковский, Д.С. Собр. соч. : в 4 т. / Д.С. Мережковский. – М. : Правда, 1990. – Т. 2. – 759 с.